

Русский Телеграф, 1998, 6 июня, с. 7

Приезд английского композитора

Майкла Наймана

(см. подборку на

стр. 8) стал суперсобытием

московской

культурной жизни

— не только сам по

себе, но и по своим

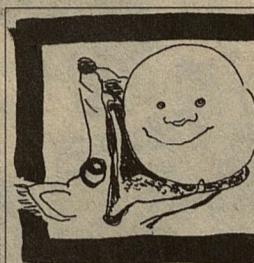
последствиям. Два дня, собравшие в консерватории весь столичный свет, полусвет и свет на одну восмью, воротников с телефонами и рейдеров, тщательно, перед зеркалом, выпачкавшихся ради знатного концерта, объединили всю московскую публику, претендующую быть или слыть модной. Но раскололи профессионалов. Пожалуй, впервые в здание на Большой Никитской, к которому было ни пройти ни проехать от запрудивших улиц машин, пришли люди, отроду там не бывавшие, и галерка, забитая демократическими безбилетниками, раскачивалась в тант музике, как на рок-концерте. И вслед за ними качала головой музыкальная общественность, неприятно озадаченная этим казусом.

В изобразительных искусствах критерии мастерства смутны. Настоящего союза художников нет на Гоголевском бульваре, но нет его и выше. Концептуализм монопольно объявил себя всем вообще «актуальным искусством», и на здоровье: живописцам, по старинке пачкающим холст маслом, это безразлично, потому что неизвестно. Это не век нынешний и век минувший, как утверждают адепты «актуального искусства» (к их ужасу, на последней Венецианской биеннале Америка, а ригот самая продвинутая, вдруг выступила жалкой оппортунисткой, представив себя не объектами, не акциями, не инсталляциями, а, страшно выговорить, живописью — мусорной, как водится), не два сталкивающихся, жарко полемизирующих направления, а эвклидовы параллели, беззаконные друг для друга и не озабоченные пересечением. Геометрии Лобачевского не предвидится: общей среды нет, нет и единства в критериях, нет даже мало-мальски согласованных профессиональных понятий. Ничего нет. В музыке и кино, кажется, наоборот. Тем заметнее выпадение и срывы. Майкл Найман и есть такое выпадение-срыв, но куда-то наверх, на необъяснимую высоту.

Английский композитор мировому музыкальному сообществу навязан кинематографом. В сущности одним Питером Гринуэем, к фильмам которого он до недавнего времени писал все саундтреки. Слава его несомненно больше профессиональной оснащенности: на слух завсегда-тас консерватории оркестр Наймана играет почти болезненно, а сам он — болезненно без «почти». О сольной партии на фортепиано, во время которой композитор исполняет свою, к слову сказать, вполне стертую музыку к столь же стертому фильму Джейн Кемпин, и говорить неловко. Но публике это безразлично, как живописцам презрение концептуалистов; зал, до отказа набитый «смежниками» — художниками, архитекторами, дизайнерами, кинематографистами, — слышит что-то свое и ликует навстречу усыпанному.

Пространство между профессиональным и наивным искусством — вещь обычна. Но искусство Наймана наивным не назовешь. Музыкой, автор трактата о Кейдже, он изощрен, хотя и однобообразен. Это ученая музыка, но без профессиональной вялости, словно накачанная стадионом, все захлестнувшей эмоцией, которая не может ни пройти, ни разрешиться: скрипка истерично елозит по одному и тому же месту, упоянная собственной инерцией, — так истощно кричит болелщик или кот перед случкой, но ни гол, ни самка не могут прервать монотонной высоты развязанной ноты. Она вырвалась на свободу и парит в поднебесье, нескончаемая и мучительная, вздувшийся живот напрягся, сейчас лопнет, и облегчающее переднее духовых становится живительной развязкой. Ученость в том, что почти всякий раз берется какая-то известная тема, Моцарта или Рамо, или Куперена, распавшаяся, разъятая и собираемая по кусочкам, и вновь исчезающая: животный вопль был звуком неопознанной феерии. Она развеялась, оставив по себе ноту — одну, и этого много. Минимализм как следствие было избыточности; призрак целого, неотступно встающий над руинами. Само собой всплывает слово «барокко».

Все это у Наймана равно доступно и ярко, сложнейшая коллизия подана примитивнейшим способом, любое сердце захочется от сладкого

НИКОЛА САМОНОВ

Музыка должна быть буржуазной

Антон Батагов

больше не композитор для НТВ

Пианист, о концертах которого грустят любители музыки XX века и не только, элитарный автор самостоятельных сочинений и музыки к фильмам Ивана Дыховичного, был официальным композитором всего-то год. Его работу на канале НТВ одни расценили как измену творческим идеалам (по странному стечению обстоятельств музыканта считали альтернативщиком), и работа на НТВ стала последней каплей в серии измен), другие — как одну из наиболее удачных форм социализации современного автора. «Дизайн-бюро НТВ», в штате которого оказались графики Елена Китаева, Андрей Шелютто, и композитор Антон Батагов, за новое оформление канала получило «Тэфи». Телевидение благополучно съело некоторую часть их вполне эстетских работ. Это при том что заставки настолько же эффектны, телевизионны (то есть лаконичны и насыщены), насколько ироничны. Но все в этой истории касается телевидения. Сочинение заставок НТВ оказалось хорошей новостью в местной ситуации, где пафос непризнанной гениальности долго считался движущей силой искусства.

Востребованность теперь входит в моду. Киномузыка из способа выжить превращается в серьезный стиль. Сколько, скажем, модный среди эстетствующей публики композитор Леонид Десятников ни божился не использовать кинонаработки в серьезном творчестве, выяснилось, что сюита из музыки к «Закату» стала самой исполняемой музыкой этого автора. Более молодое поколение композиторов вообще не видят принципиальной разницы между считавшейся раньше прикладной музыкой для кино и тем, что считалось раньше музыкой серьезной. Другой вопрос, что «образ жиз-

ни» современной музыки меняется мало. Банки, которые покупают коллекции модного визуального искусства и спонсируют кремлевский рок-н-ролл, не покупают музыку современных композиторов. Единственное исключение — опера «Диалог», сделанная Батаговым два года назад по заказу одноименного банка. Шлейф от этой художественно-рекламной акции тянется до сих пор. А эффект от нового оформления НТВ может оказаться еще долговременней и влиятельней. С АНТОНОМ БАТАГОВЫМ, не жалеющем о расставании с должностью, беседует ЮЛИЯ БЕДЕРОВА.

А. Б. То, что я служил «композитором», — факт очень трогательный, напоминает что-то из гайдновских времен. Было сделано примерно 600 работ, в том числе самое короткое сочинение в моей жизни длиной в 1 секунду. Вся идеология нового оформления разработана Китаевой и Шелютто. В результате НТВ действительно звучит и выглядит иначе. Дело в том, что в мире существует некоторое количество специальных библиотек на компакт-дисках — там есть записи от шумов до музыкальных фрагментов разной длительности, — и все телевидение в мире ими пользуется как одобренными образцами телевизионно-музыкального мейнстрима. Это такой же пафосно-шаблонный стиль, как голливудская киномузыка. Только втиснутый в несколько секунд телевизионного времени. Словно слушаешь последние несколько тактов всех симфоний Бетховена одновременно. И получается, что теоретически возможны буквальные совпадения. А кроме того — это просто диктатура идиотского пафоса. Вообще гипертонаризованные потребности в пафосе у людей, работающих на ТВ, — уже род диагноза.

Ю. Б. Вашей команде вполне удалось озвучить канал по-другому. Это

культура

ВАЛЕНТИН КАРПИН

потребовало наступить на горло собственной песне?

А. Б. Как-то само собой вышло, что за этот год я освободился от многое лишнего. Перестал держаться за авторскую стилистику. Вообще перестал относиться к стилю как к своей собственности. Есть разные стили, и любой может ими пользоваться. Вопрос — кто. Другое дело, что все-таки есть какие-то рамки, некая зона, куда внутренний механизм уже не пускает. Тут и начинаются конфликты с начальством.

Ю. Б. Значит, на горло наступил все-таки ты, но не себе, а кому-то другому?

А. Б. Просто вначале у телевизионного начальства было желание сделать канал узнаваемым, отличным от других. Был задан этот новый тон. Потом появились требования все-таки делать что «надо». Была такая чудесная фраза «Музыка должна быть не интеллигентной, а буржуазной». Понимай как хочешь.

Ю. Б. А как понимаешь ты?

А. Б. Очень любопытно это понятие буржуазности. Здесь оно совпадает с тем, как при советской власти все ходили в одинаковых пальто. Правильная ТВ-музыка — это соединение SNN и чего-то необычайно прорывного. Скажем, заставки к программе «Сегодня», которые так и не удалось переделать, — квинтэссенции пафосности, причем не в американском окультуренном варианте, а в кондоворовском. Вообще гипертонаризованные потребности в пафосе у людей, работающих на ТВ, — уже род диагноза.

Ю. Б. Есть мнение, что всем композиторам нужно раздать должности, чтобы не сочиняли для вечности.

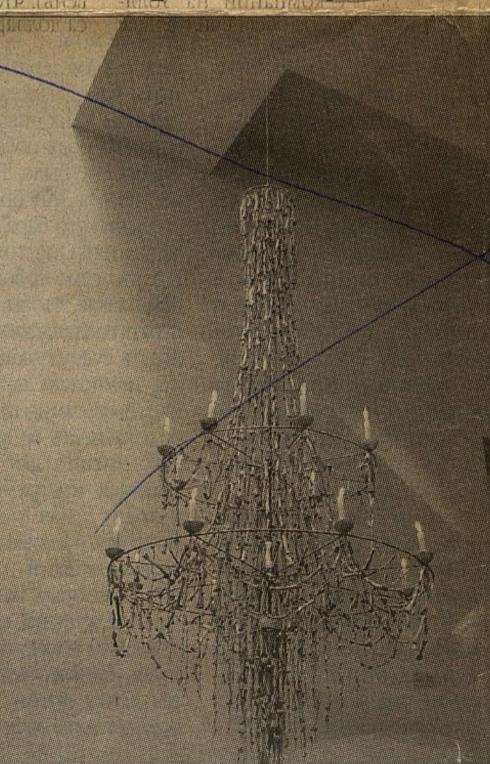
А. Б. Чтобы оправдывали доверие, что ли? Если уж на то пошло, для вечности писали только дураки. Что-то забылось, что-то осталось. Но процесс этот вряд ли поддается контролю. Вот, скажем, Найман сочинил музыку для новой скоростной железной дороги. Всем от этого хорошо. И Найману, и нам, и поезда наверняка ходят лучше.

Художественная жизнь по-фински

Русский Телеграф, 1998, 6 июня, с. 7
В Хельсинки открылся музей современного искусства

Название ему дано необычное — Kiasma. Все многочисленные интерпретации этого слова содержат образ перекрестка (знак X), буквально — нервных окончаний, фигурально — мечты и реальности, архитектуры и живописи, кривизны и прямолинейности.

Специально для музея в центре города, в двух шагах от финского парламента, железнодорожного вокзала и рядом с конным памятником Маннергейму, было возведено новое здание по проекту американца Стивена Холла, который нашел удачное сочетание современных архитектурных принципов и типично финской крестьянской грубоватости. Финские интеллектуалы не устают повторять, что своеобразие финского менталитета составляет благотворное отсутствие в их истории аристократии как класса, высокомерия как черты национального характера плюс крестьянская (и протестантская) основательность в генезисе: почти все современные финны — дети или, по меньшей мере, внуки крестьян. Поэтому внутри музея, облицованного

граммной — экспозиция будет меняться каждые полгода, и каждый раз какие-то работы будут специально создаваться именно для нее. При этом руководство музея не обязано приобретать выставляемые и заказанные работы, оплачивается только право экспонировать их во время полугодового цикла. Но за музей сохраняется право первой ночи — вполне галерейный принцип.

Kiasma имеет пять этажей, общая площадь — 12 тысяч метров. Музей перенасыщен электронными указателями, расположенным буквально на каждом повороте. Дисплей с кнопками помогает ориентиро-

вать дверь из общежития, наполовину стеклянную, наполовину деревянную, с кривыми гвоздями, скособученным замком, сквозь меловую побелку стекол пропускают два процента пыльных слов — «туалет» и «умывальник».

Однако то, что увенчалось в меру грандиозной, но стильно постройкой музея современного искусства, начинилось со скандала. Консерваторы, которых не мало и в финской столице, оспаривали буквально каждый шаг в реализации проекта.

Поначалу они были недовольны выбранным местом — рядом с памятником Маннергейму, многие боялись, что конную статую нужно будет переносить, но Стивен Холл оставил Маннергейму в неприкосновенности, а в самом здании предусмотрел специальное окно, из которого как подарок открывается панорамный вид сверху и скобу на финского героя в русской шапке-ушанке. Затем проснулись патриотические и национальные амбиции, смысл которых суммировал вопрос — почему лакомый проект достался не финскому, а американскому ар-

На финальном

Русский Телеграф, 1998, 6 июня, с. 7

Накануне Дней городской крепости ставка «Две столицы Петербург». Безальной помпы комнатах Комитета публике были торжественные мат 1703—1917 годы сцены политической и культурной городов — пребывания, карты документов и руки местных музейных библиотек.

Ждали эту выставку больше, нежели к ней в нефтяных кругах боржелательным лерий Соколовым газеты «На художник Алексей люди сугубо свою заслугу своей истории горячо относится Петербург — местом художественным и вместе табельным, способом присутствия и министра культуры.

Ю. Б. Как тебе больше нравится.

А. Б. По поводу вечности это не ко мне, а по поводу переделок — нет, я собираюсь издать их абсолютно в том виде, в каком они сейчас существуют. На диске будет 74 сочинения. Самое длинное — кажется, 4 минуты 33 секунды.

Ю. Б. ?

А. Б. Непреднамеренно. Называемый диск, видимо, будет «Контракт сочинительщика». Еще, надеюсь, выйдет «Save changes before closing?» и саундтрек к фильму Дыховичного «Незнакомое оружие», или Крестоносц-2.

Ю. Б. Есть мнение, что всем композиторам нужно раздать должности, чтобы не сочиняли для вечности.

А. Б. Чтобы оправдывали доверие, что ли? Если уж на то пошло, для вечности писали только дураки. Что-то забылось, что-то осталось. Но процесс этот вряд ли поддается контролю. Вот, скажем, Найман сочинил музыку для новой скоростной железной дороги. Всем от этого хорошо. И Найману, и нам, и поезда наверняка ходят лучше.

Москва. Петербург, 1998, 6 июня, с. 7

тогда же москвичи не дождались.

При этом ни один не сомневается, что будет решена в финской столице, о которой неизвестно, есть Запад, Восток. Поскольку вряд ли найдут более удобное место для обитания и лиц-представителей богатой Москвой.

Получилось, как и описано, с различиями, страсти трактуются и несчастья выражаются равнозначно. Что, по мнению выставки Людмилы Павличко, это